

opusdei.org

Размышления над «Бороздой» Св. Хосемарии Эскрива

Андрей Низовский, писатель

11.09.2006

«И приходит к ученикам и находит их спящими» (Мф., 36:40). В ту памятную всем ночь покинутый всеми Христос истекая кровавым потом, молился в Гефсиманском саду, а его ученики крепко спали мирным сном. Дело Искупления совершалось без их участия...

«Многие христиане уверены в том, что Искупление совершится повсюду в мире, и что где-то должны существовать души – никто не знает, какие, - которые вместе со Христом способствуют его совершению. Но это потребует многих веков, целой вечности, если будет осуществляться столь же медленно, сколь медлительно сами они отдают себя Богу.

Так думал и ты – пока не пришли тебя будить» (Св. Хосемария Эскрива. *Борозда*, 1).

1.

Для христианина нет и не может быть ценности выше, чем Христос. Личная встреча с Ним опрокидывает все прежние представления, ломает прежний жизненный уклад. Тебя никто не переделывает насильно - ты сам становишься другим, потому что прежним быть уже не можешь. И

потом, вспоминая себя прежним, с недоумением думаешь: «Господи, неужели я был *таким*?».

«*Таким*» - это не значит плохим или хорошим, а просто никаким: жил, как все. Господи, как же это скучно! Скучно до тошноты, до омерзения. Встал-лег, поработал-поразвлекался, поел-поспал, стал старым, помер, тебя закопали и забыли, как зовут. Для чего ты рождался на свет? Для чего жил? Для собственного удовольствия? Для своих детей? Чтобы и они прожили такую же «яркую» жизнь? Да такую жизнь врагу не пожелаешь. Ну не животные же мы, в конце-то концов!

Уже потом, когда первое потрясение от встречи со Христом останется позади, найдешь у Св. Хосемария Эскривы такие строки:

«Религия – самый грандиозный бунт человека, который не хочет

жить, как животное. Который не удовлетворяется и не успокаивается, пока не достигнет общения с Творцом и не познает Его... Рабство или Богосыновство – третьего не дано. Или дети Бога – или рабы тщеславия, похоти и тоскливого эгоизма, который многим кажется столь привлекательным» («Христос проходит рядом»).

2.

Куда устремляется первым делом обретший Христа неопит? Правильно, в храм. В храм можно ходить хоть каждый день, но жить там нельзя – вся наша основная жизнь проходит все-таки за порогом храма. Можно, правда, уйти в монастырь, но монашеское призвание – удел немногих. Большинству из нас все равно приходится жить со Христом в миру. И тогда

неизбежно встает вопрос: как? Как совместить Христа и мир? Оставлять Его за порогом храма, возвращаться в мир и опять жить «как все»? Некоторым это удастся. «Те, кто не понимает, что вера требует служения Церкви и душам, в конце концов переставляют понятия и уже используют Церковь и души в собственных интересах» (Борозда, 355).

Те, кто пережил личную встречу со Христом, знают: после этого жить «как все» уже невозможно. Невозможно отделить себя от Христа, веру – от безверия. «Нельзя отделять религию от жизни – ни в теории, ни в повседневности... Посмеем же открыто и непрестанно жить по нашей вере» (Борозда, 308, 46). Жить по вере – значит, стать учеником Христа. Апостолом. Что, дерзкое название? Пожалуй. Ведь

многим кажется, что апостолы жили только во времена первых христиан, а в наше время какие там апостолы...

А какое такое «наше» время?

Время всегда одно и то же. Потому что люди одни и те же: они могут что-то больше знать и уметь, что-то меньше, но приходят они на свет, страдают и умирают точно также, как и две тысячи лет назад.

«Слушай меня, повторяй за мной: христианство – это Любовь; общение с Богом – беседа, и весьма утвердительная; забота о душах, апостольское служение – не роскошь, не занятие для немногих. Теперь, когда ты об этом знаешь, - радуйся. Жизнь обрела для тебя новый смысл» (Борозда, 187).

3.

Трудно жить по вере и при этом не делиться своей верой с другими. Христос – не твое личное сокровище, это сокровище для всех. Однажды войдя в твое сердце, Он распахивает его для других. И ты уже не умом, а сердцем понимаешь, что «не может укрыться город, стоящий на верху горы. И, зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме» (Мф.,5:14-15). Первые ощущения – страшно, непривычно. Но сколько бы ты не пугался, не стеснялся этого, свет все равно начинает светить «сквозь тебя», потому что это не твой свет – Его.

«Видя столько трусости, столько ложного благоразумия, я очень хочу спросить: «Так что же, вера и доверие – только для проповеди, не для жизни?.. Порой мне кажется, что какие-то враги

Господа и Его Церкви живут за счет страха многих «добрых» христиан... И мне стыдно. Неверные только и мечтают, чтобы верные не действовали. Многие христиане могли бы стать апостолами... если бы не боялись. Именно они и жалуются, что Господь (так они говорят!) их покинул. А что они сами с Ним сделали?» (*Борозда*, 103, 115, 121, 362).

4.

Сказать, что личная встреча со Христом многое меняет в твоей жизни – это значит не сказать ничего. «Второе рождение» - вот, пожалуй, самое близкое сравнение. За рождением начинается рост: сложное, трудное, чрезвычайно интересное время...

«Очень многие христиане следуют за Христом, поражаясь Его

божественностью – но забывают о Его человечности. И вот, несмотря на выполнение всех благочестивых правил, им так и не удастся явить в себе сверхъестественные добродетели, ибо они ничего не делают, чтобы обрести добродетели естественные» (*Борозда*, 652).

Христос – это не только совершенный Бог (*perfectus Deus*), но и совершенный человек (*perfectus Homo*). Совершенным Богом нам не стать, но мы можем совершенствовать свою человеческую природу, тем самым приобщаясь к божественности Христа. Жизнь приобретает новое измерение, мир вокруг становится другим. «До сих пор ты не понимал, какую весть мы, христиане, несем другим людям. Это – сокровенное чудо внутренней жизни. Какой

неведомый мир раскрываешь ты перед ними!» (Борозда, 654).

5.

Заново родившийся на свет человек растёт, силы переполняют его. Но что делать? Хватать первого встречного за шиворот и тащить его в храм? Кричать ему в ухо: «Очнись, дурак, Бог любит тебя»? Смешно, детский сад какой-то. Но нельзя же совсем ничего не делать! Ты лихорадочно ищешь применения своим растущим силам. До тех пор, пока не натыкаешься на строки, написанные апостолом Павлом: «Каждый оставайся в том звании, в котором призван... и как, по данной нам благодати, имеем различные дарования, то, имеешь ли пророчество – пророчествуй по мере веры; имеешь ли служение – пребывай в служении; учитель ли, - в учении; увещатель ли –

увещевай; раздаватель ли – раздавай в простоте; начальник ли – начальствуй с усердием; благотворитель ли – благотвори с радушием» (1-е Кор., 7:20; Рим., 12:6-8). А потом тебе в руки попадает Эскрива: «Чтобы следовать по стопам Христа, сегодняшнему апостолу нет нужды что-то реформировать, тем более – отмахиваться от той исторической реальности, которая его окружает. Пусть просто делает то же, что делали первые христиане – одухотворяет все вокруг» (*Борозда*, 320).

6.

В бельгийском городе Генте, в стенах городского собора, хранится знаменитый Гентский алтарь – творение Яна и Хуберта ван Эйков. Одна из центральных сцен его – «Благовещение». Архангел рыцарственно склонил

белоснежные лилии перед Девой.
Мария в глубокой задумчивости
подняла к небу глаза. И Мария, и
архангел Гавриил изображены
почти в один цвет —
холодноватой слоновой кости,
лишь кое-где пробиваются
розовые и золотистые тона. Но эти
почти бесплотные фигуры живут
и действуют в мире, наполненном
вполне материальными
предметами, где вещи имеют цвет
и тяжесть: на кронштейне висит
накрахмаленное полотенце,
золотистой медью мерцает
умывальник, узорчатые
солнечные пятна ложатся на
стену, вспыхивают блики на
стекле и металле. А в оконном
проеме окна виден вечерний
город: поблескивающие под
тускнеющим солнцем
остроконечные крыши, шпиль
колокольни и башни замка в
теплом мареве сумерек, птицы,
рассекающие высокое бледное

небо, косяк журавлей вдали...
Обыденность повседневности. И
— обыденность чуда. Потому что
все мы призваны Христом к
святости не где-то там, за
пределами реальности, а здесь, в
этом мире, наполненном
повседневным трудом и
повседневными заботами. И
именно в этих трудах и заботах
мы ищем Божьего присутствия. А
когда находим, происходит чудо —
начинается диалог, тихий и
незаметный со стороны,
проявляющийся не в шуме слов, а
в соучастии человека в творчестве
Бога...

«Иногда кажется, что там, у
горизонта, встречаются небо и
земля. Запомни, что на самом
деле они встречаются в сердце
сына Божия, в *твоем* сердце»
(Борозда, 309).

В нашей насквозь атеистической России в ходу пословица: «дураков работа любит». На самом деле говорить надо иначе: «дураки работу не любят». «Работа – благословение Божие, и изначальное призвание человека; и жестоко ошибаются те, кто считает ее наказанием. Господь, лучший из отцов, поселил первого человека в Саду Едемском ut operaretur – «чтобы он работал». Учение и работа. Вот они, неизбежные обязанности христианина, защищающие от врагов Церкви и привлекающие (благодаря профессиональному престижу) столько добрых душ, которые, хоть и добры, борются в одиночку. Вот главное оружие того, кто хочет стать апостолом в гуще мира» (*Борозда*, 482-483).

Христиане, живущие в миру – не монахи. Каждому из нас Бог дал свой талант, свое призвание, видя

в этом призвании путь к святости каждого из нас. Повседневный труд, каким бы монотонным он не был, может превратиться в молитву, в диалог человека с Богом. И – в апостольское служение. Тихое, незаметное и очень действенное...

«Миру нужно, чтобы мы разбудили спящих, вдохновили робких, повели за собой заблудших, словом – включили их всех в ряды Христовы, чтобы столько сил не пропало даром» (Борозда, 774).